

©2025 А.В. ПРОКОФЬЕВ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОРАЛИ И ГРАНИЦЫ ОБЛАСТИ МОРАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЖОНАТАНА ХАЙДА

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора этики.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гонимая, д. 12, стр. 1.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Аннотация. Реконструируются и оцениваются способы решения двух центральных проблем исследования морали (проблемы определения морали и проблемы выделения области морально значимых явлений) Джонатаном Хайдтом. Ученый предостерегает от использования в психологии нормативных и содержательных определений морали, поскольку они не позволяют преодолеть пристрастное отношение к нормативно-ценностным системам, сложившимся в рамках западной культуры нескольких последних столетий. Наилучшим определением Дж. Хайдт считает функциональное, трактующее мораль в качестве набора «ценностей, добродетелей, норм, практик, идентичностей, технологий... психологических механизмов», которые служат поддержанию кооперативных сообществ. Это определение морали сопровождается у Хайдта расширением области морально значимых явлений, по сравнению с тем, как ее понимали психологи второй половины XX века и продолжает понимать большинство современных философов. К данной области Хайдт относит не только те явления, что оцениваются на основе понятий *забота / причинение вреда, честность/нечестность, свобода/угнетение*, но и те, основой оценки которых выступают понятия *верность/предательство, авторитетная власть / подрыв авторитетной власти*,

Ссылка для цитирования: Прокофьев А.В. Определение морали и границы области морально значимых явлений в психологической теории Джонатана Хайда // Человек. 2025. Т. 36, № 1. С. 49–67. DOI: 10.31857/S0236200725010046

50

объединенной общим ценностным мировоззрением, той или иной культурной традиции. Вторая задача состоит в том, чтобы выявить концепцию морали, стоящую за такой демаркацией, реконструировать основания, позволяющие индивиду, группе или традиции отделять моральное от прагматического, моральное от конвенционального, моральное от эстетического и т.д. Осуществляя такую реконструкцию, исследователь вводит некое определение морали или хотя бы фиксирует ее общую идею. Так как нетеоретические представления о том, что такое мораль и какова область морально значимых явлений, могут быть внутренне противоречивыми или обладать иными недостатками, то ответы теоретиков на те же вопросы могут существенно удаляться от «народных» концепций морали.

Как уже было отмечено, определения морали и их проекции, позволяющие выделить область морально значимых явлений, возникают в разных исследовательских дисциплинах. В данной статье я ограничусь исключительно психологией и теорией всего лишь одного исследователя, который пытается дать расширенную трактовку области морально значимых явлений, выступая в качестве критика тех подходов к проблемам определения и демаркации, которые закрепились в философской и психологической мысли второй половины XX века. Это современный американский психолог Джонатан Хайдт, создатель социально-интуитивистской концепции морали. В основной части статьи я обрисую теоретическую позицию ученого, а в аналитическом заключении — продемонстрирую некоторые уязвимые точки последней.

Выбор позиции Дж. Хайдта в качестве объекта для анализа и в качестве первого шага в ходе планируемого автором настоящей статьи широкого исследования возможностей продуктивного взаимодействия философской и психологической концептуализаций морали связан с тем, что хайдтовское представление о сути и круте моральных феноменов высвечивает ключевые проблемы и альтернативы, стоящие перед всеми науками о морали на уровне уточнения параметров их основного предмета. Отталкиваясь от текстов Хайдта, можно понять, как и почему в психологии сталкиваются между собой формально-функциональные и содержательные, дескриптивные и нормативные подходы к ответу на вопрос «Что такое мораль?» Цель статьи — сформировать такое понимание для того, чтобы продолжить исследование в более широком контексте и с переносом «центра тяжести» с реконструкционной на собственно теоретическую работу. Под более широким контекстом я понимаю иные психологические концептуализации морали, существующие в едином полемическом пространстве. В целом можно выделить до пяти таких концептуализаций (в данной статье они вынесены за скобки). Перенос «центра тяжести» на теоретическую работу означает поиск оптимального как для психологии, так и для этики представления о морали и границах области морально значимых

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда

явлений. Исследование такого рода будет учитывать весь набор трудностей и противоречий концептуализации морали, который в данной статье затронут лишь частично. Что касается преобладающей в статье реконструкционной работы, то основой для реконструкции концепции морали Дж. Хайдта послужили только те его труды, в которых проблематика статьи представлена в явном виде и доминирует, а сам он непосредственно выступает в роли теоретика морали.

Определение морали

Наиболее подробно проблема определения морали представлена в двух работах Дж. Хайдта, являющихся теоретическими обобщениями многочисленных эмпирических исследований, проведенных им самим и другими психологами. Речь идет о построенной в виде обзора его научной биографии книге «Праведная душа: почему политика и религия разделяют хороших людей» (2012, первое издание) [см.: Haidt, 2013] и главе «Мораль» (написана в соавторстве с С. Кесебир) из компендиума по социальной психологии [см.: Haidt, 2010].

Что касается книги, то Хайдт свое определение морали намеренно приводит не в начале, а в конце работы, поскольку считает, что весь содержащийся в ней материал, касающийся широкого спектра моральных интуиций и их эволюционной основы, должен подготовить образованного западного читателя к признанию его (хайдтовского) определения в качестве оптимального. В названной главе компендиума Хайдт и его соавтор, напротив, размещают то же, что и в книге, определение морали не в конце, а в самом начале текста и выстраивают его как обоснование предлагаемого понимания сути морали. Они дают критический обзор истории социальной психологии, которая в своих последних и высших проявлениях отрицает методологическую основу психологических теорий морали, преобладавших во второй половине XX века (центральные антигерои повествования — Л. Колберг и Э. Туриел). Описанный авторами главы исторический процесс соответствует нарративной матрице падения с последующим искуплением. Как пишут Хайдт и Кесебир, «чтобы создать ощущение падения, глава начинается с похвалы древним и их основанной на понятии добродетели этике, она восхваляет также некоторых ранних социологов и психологов (Уильяма Мак-Дугалла, Зигмунда Фрейда, Эмиля Дюркгейма), которые имели “плотную” эмоциональную и социологическую концепцию морали», и наконец воздаст должное Чарльзу Дарвину за его убеждение в том, что «межгрупповая конкуренция содействовала эволюции морали» [Haidt, 2010: 823]. «Падение» XX века заключается, по Хайдту, в том, что «психологи последовали за философами и другими учеными, изучающими общество, приняв рационализм и методологический индивидуализм» [ibid.]. Мораль начала восприниматься, во-первых, в перспективе убеждений

и «когнитивных способностей» отдельного человека, пытающегося устранить затруднения, связанные с оказанием помощи и причинением вреда другим людям, и, во-вторых, в качестве генетически закодированных стратегий, помогающих кооперации и взаимодействию с чужаками. Обе тенденции Хайдт и Кесебир квалифицируют как «сужение», даже используют термин «великое сужение». Это «великое сужение», сокращающее в разных направлениях область морально значимых явлений, может быть резюмировано так: «...квинэссенция морали — это альтруистические действия в отношении чужаков» [ibid.].

Содержащееся в обеих работах определение морали развивает исходную формулировку, предложенную Хайдтом в 2008 году [см.: Haidt, 2008: 70]. Оно выглядит следующим образом (незначительные словесные расхождения в работах не имеют принципиального значения): «Моральные системы представляют собой замкнутые друг на друга наборы ценностей, добродетелей, норм, практик, идентичностей, технологий, эволюционно сложившихся психологических механизмов, которые совместно работают с целью подавления или регулирования эгоизма и делают возможными кооперативные общества» [Haidt, 2010: 800; 2013: 314]. В исходной формулировке, как затем и в книге, определение морали приведено в конце рассуждения.

С определением морали теснейшим образом связано вводимое Хайдтом понятие морального капитала. Оно дополнительно проясняет хайдтовские дефинитивные характеристики, не оставляя возможностей для их двусмысленных толкований. Понятие морального капитала позволяет количественно оценивать способность общества создавать и поддерживать упомянутые в определении морали «наборы ценностей, добродетелей, норм, практик, идентичностей, технологий... психологических механизмов», нацеленные на ограничение эгоизма его членов и обеспечение внутригрупповой кооперации [Haidt, 2013: 342]. Для того чтобы проиллюстрировать идею морального капитала, американский психолог предлагает проделать простой мысленный эксперимент: вообразить несколько независимых общин, состоящих из 20 с лишним молодых людей, которые хорошо знают друг друга и расположены друг к другу, и задать себе вопрос о том, какие факторы будут способствовать тому, чтобы одни общины дольше других сохраняли устойчивость и высокий уровень просоциального поведения. Или, вернее, какие ценности и добродетели, написанные на постерах этих общин, будут больше отвечать решению поставленной задачи. Община, на постере которой присутствуют слова «самореализация» и «терпимость», приобретет «преимущество в привлечении новых членов, но будет обладать меньшим моральным капиталом, чем община, которая ценит конформность и верность» [ibid.]. Причина заключается в том, что вторая община успешнее регулирует эгоизм, менее хрупка и менее подвержена «моральной энтропии».

А.В. Прокофьев

Определение морали и границы области морально значимых явлений в психологической теории Джонатана Хайда

Хайдт характеризует свое определение морали с помощью терминов «функциональное» и «дескриптивное» [ibid.: 314–315]. Функциональные определения выделяют мораль среди других областей культуры и индивидуальной практики на основе того, «что она делает» или «чему она служит», а не на основе того, какие ценности и нормы считаются моральными, что характерно для содержательных определений. Дескриптивные определения опираются на обобщение того, что люди по факту считают морально правильным, нормативные же — на то, что, по мнению предлагающих их теоретиков, в действительности является правильным, вне зависимости от того, что кто-то другой думает о правильности и неправильности действий, переживаний, убеждений. (Обзор подходов к определению морали делается в нескольких работах [см.: The Definition, 1971; Мораль, 2014; Gert, 2020].) Хайдт полагает, что психология, будучи позитивной наукой, стремящейся точно отобразить реалии психики и поведения человека, должна оперировать именно функциональными и дескриптивными определениями морали. К этому же ее подталкивает тот очевидный факт, что разные культуры по-разному справляются с задачей обуздания эгоизма. Проанализировав судьбу содержательных и нормативных определений морали в этике и психологии, Хайдт предостерегает: «Определения — это инструменты, но они могут также становиться шорами» [Haidt, 2008: 70].

Вместе с тем Хайдт делает важную оговорку о том, что в случае рассмотрения его собственного дескриптивного определения в качестве нормативного оно будет не просто негодным, но и опасным: «В качестве нормативного определения оно будет высоко оценивать фашистские и коммунистические общества и культы, если они достигают высоких уровней кооперации посредством создания разделяемого [их членами] морального порядка» [Haidt, 2013: 315]. Также амбивалентно характеризуется американским психологом и моральный капитал. Последний нельзя считать «беспримесным благом». «Моральный капитал автоматически ведет к подавлению безбилетников, но не ведет столь же автоматически к другим формам честности, например равенству возможностей. И хотя высокий уровень морального капитала помогает сообществу эффективно функционировать, это сообщество может использовать свою эффективность, чтобы причинять ущерб другим сообществам. Высокий уровень морального капитала может быть приобретен культом или фашистской нацией, если большинство их членов принимают преобладающую моральную матрицу» [ibid.: 342].

Область морально значимых явлений: вред и честность

Что же входит в число «потерь», связанных с «великим сужением» и постепенно компенсируемых современными науками о морали?

В главе «Мораль» сделан акцент на трех «потерях» и их последующей компенсации. Прежде всего это характерная для психологии и философии XX века попытка свести моральный опыт к рассуждению, предпрещающему оценку поступков. Современная мысль, напротив, постулирует «преобладание, хотя и не диктатуру» интуитивных или эмоциональных компонентов морального опыта над дискурсивными или рациональными [Haidt, 2010: 823, 801–807]. Затем это «потеря» из виду коммуникативного назначения морали. Современная мысль, напротив, следует принципу «моральное мышление существует ради социальной деятельности», «человек моральный» рассматривается как интуитивно действующий «политик и обвинитель», а не как интуитивно действующий ученый, доискивающийся истины [ibid.: 823, 808–814]. Наконец это отрицание социальной функции морали, сведение ее к проблемам, встающим перед отдельным человеком (моральным агентом или субъектом). Современная мысль в противоположность этой установке акцентирует тот факт, что мораль «соединяет и строит» социальные системы. Социальные психологи последних десятилетий не считают социальную функцию морали ни вторичной, ни вспомогательной [ibid.: 823, 815–820].

Однако для решения проблем определения морали и выявления круга морально значимых явлений необходимо обратить внимание не на эти три «потери», а на ту, которая в главе «Мораль» представлена сжато и выходит на первый план лишь в книге. Если обратить внимание на структуру книги «Праведная душа: почему политика и религия разделяют хороших людей», то можно увидеть, что лишь первая ее часть посвящена примату интуиции (то есть одной из уже упомянутых «потерь» и ее успешной компенсации). Название первой части — «Сначала идут интуиции и лишь затем стратегическое рассуждение». Во второй (в особенности) и в третьей частях книги обсуждается другая проблематика: Хайдт подробно демонстрирует, что психология XX века некорректно проводила демаркационную линию между моральными и морально безразличными вопросами. Название второй части — «В морали есть нечто большее, чем вред и честность», третьей — «Мораль соединяет и ослепляет».

Связь между хайдтовским социальным инуитивизмом и смещением вышеозначенной демаркационной линии очевидна. Начиная с программной статьи «Эмоциональная собака и ее рациональный хвост: социально-интуитивистский подход к моральному суждению» [см.: Haidt, 2001], Хайдт в своих работах призывает не доверять дискурсивному и декларативному слою морального опыта, который наполнен рационализациями поступков, но не отражает реальных движущих сил человеческого поведения. Отсюда вытекает и недоверие к тому, чем занимается этическая мысль. Ведь она, по мнению Хайдта, пытается использовать именно этот слой, наполненный «априорными

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда

Односторонние представления об области морально значимых явлений ограничивают ее теми действиями, которые могут получить оценку на основе двух критериев — заботы в ее противоположности причинению вреда и честности в ее противоположности мошенничеству. Конечно, и то и другое — необходимая часть любой системы моральных ценностей (у Хайдта — «ценностей, добродетелей, норм, практик, идентичностей, технологий, эволюционно сложившихся психологических механизмов», отождествляемых с моралью). Конечно, возникновение упомянутых критериев предрешило эволюционной историей человека. Первое основание коренится в защите потомства и в качестве первичного негативного триггера моральных эмоций имеет страдание собственного ребенка, второе — в потребности людей формировать взаимовыгодные партнерства, куда входят не родственные друг другу индивиды и где первичным негативным триггером моральных эмоций выступают мошенничество и отсутствие взаимности [ibid.: 153–161]. Однако, по мнению Хайдта, невозможно свести все

явления морального сознания и всю моральную практику к этим двум основаниям. Вернее, такая возможность существует только для представителей той культуры, в рамках которой само моральное сознание и сама моральная практика претерпели существенное усечение — оказались, пользуясь базовой метафорой американского психолога, «двухрецепторными». Данную характеристику Хайдт использует в отношении современной западной культуры, также применяя к ней обозначение «странная» (*англ. weird*); слово «weird» он превращает в акроним WEIRD — производное от слов «западная» (*англ. western*), «образованная» (*англ. educated*), «индустриальная» (*англ. industrial*), «богатая» (*англ. rich*), «демократическая» (*англ. democratic*) [ibid.: 112].

С течением времени Хайдт несколько усложняет свою картину морали «вреда и честности» за счет нюансированного понимания второго из этих понятий, очевидную неоднородность которого он фиксирует. Последняя в конечном итоге заставляет Хайдта вести речь о двух основаниях там, где прежде он вел речь об одном. Хайдт показывает, что суждения о честности взаимодействия между индивидами могут быть сконцентрированы на идее пропорциональности, то есть на строгом соответствии получаемой индивидом итоговой доли благ его вкладу в кооперативное партнерство. При использовании такого понимания честности для оценки общественного устройства в центре внимания оказываются наказание мошенников, «безбилетников», нарушителей сложившейся системы собственности, а также поощрение и поддержка законопослушных членов общества.

Однако фокусом суждений о честности может быть не только пропорциональность, но и равенство, понимаемое как равная свобода от угнетения и эксплуатации, в том числе осуществляющихся в порядке злоупотребления властными полномочиями. Первичный негативный триггер подобного проявления честности — попытки доминировать на основе агрессии и грубой силы (буллинг), практический ответ — объединение тех, кто подвергается буллингу, против того/тех, кто его осуществляет. Хайдт решает оставить за первым аспектом честности название «честность» (основание *честность/мошенничество*), а другой обозначить с помощью понятия «свобода» (основание *свобода/угнетение*) [ibid.: 197–205]. Основание *свобода/угнетение* не менее характерно для «странной» моральной системы, сложившейся в пределах западной культуры, чем основания *забота/вред* и *честность/мошенничество*. Хотя следует иметь в виду, что, по мнению американского психолога, «странная» моральная система все же не охватывает западную культуру целиком, даже всех богатых, образованных и демократически ориентированных ее представителей, поскольку сторонники идеологии консерватизма на Западе сохраняют чувствительность всех, а не только трех упомянутых выше моральных «рецепторов». Этот психолого-политологический вывод Хайдт отстаивает и развивает долгие годы.

А.В. Прокофьев

Определение морали и границы области морально значимых явлений в психологической теории Джонатана Хайда

Область морально значимых явлений: за пределами вреда и честности

Среди оснований, находящихся за пределами «странного» представления о морали, Хайдт в первую очередь упоминает верность, или преданность, в противоположность предательству. Здесь, как и в случае вреда и честности, от морального агента требуется преодоление собственного эгоизма, однако уже не в пользу страдающего представителя человеческого рода или честно выполняющего свою часть совместной работы партнера, а в пользу группы, к которой моральный агент принадлежит. Жертвы приносятся ради сохранения и процветания коллектива, не тождественного совокупности всех людей. В данном случае разграничение правильного и неправильного поведения или похвальных и предосудительных мотивов поведения способствует поддержанию сплоченности группы. Первичный позитивный триггер этого основания — действия, продвигающие групповой интерес, в особенности в условиях соперничества или прямого столкновения с другими группами, а негативный триггер — действия, которые ослабляют группу, или прямой переход на сторону другой группы (все это квалифицируется как предательство) [ibid.: 161–165].

Упомянутый выше третий теоретический урок Хайдта, выраженный в формуле «мораль соединяет и ослепляет», — по сути своей развернутый комментарий к этому моральному основанию. Хайдт пишет: «Мы не сможем понять мораль, религию и политику, пока у нас не возникнет ясная картина человеческой групповости [groupishness] и ее истоков» [ibid.: 221]. Преодоление индивидуального эгоизма, являющееся, по Хайдту, важнейшим признаком морального поведения, осуществляется преимущественно в форме самопожертвования ради благополучия и безопасности конкретных членов своей группы или интересов своей группы в целом. Его минимальное выражение — самоограничение в процессе добросовестной «командной игры». Именно способность преодолевать индивидуальный эгоизм на партикулярной основе сделала человека человеком и подготовила его к созданию цивилизации. Вместе с «коллективной интенциональностью», позволяющей человеку формировать и реализовывать общие планы, моральное основание *верность/предательство* является ключом к созданию полноценной теории его происхождения.

Однако тот тип «групповости», который свойствен именно людям, проявляет себя не непрерывно, как у насекомых, живущих колониями, а дискретно. Это позволяет Хайдту вести речь о том, что мы на 90% приматы и на 10% пчелы, причем это указание не просто на смешение характеристик, а на два состояния, два модуса существования, в которых попеременно пребывают человеческие существа. Переход — Хайдт

именует его «переключением в состояние улья (роя) [hive]» — может быть спровоцирован разными триггерами. «При соответствующих условиях люди приходят в состояние духа “один за всех и все за одного”, в котором они действуют именно ради блага группы, а не только ради своего продвижения внутри группы» [ibid.: 258]. В каких-то случаях они могут переживать свою принадлежность к коллективу экстатически, чувствовать полное поглощение коллективом своей индивидуальности, как это происходит в коллективных танцах примитивных народов или в реакциях аудитории на обращение харизматического лидера.

Есть и менее экстремальные формы человеческого «роения» (англ. hiving). В целом оно осуществляется людьми «естественно, легко и весело», соединяя множество индивидов в сообщества «доверия, кооперации и даже любви». Тот факт, что при этом снижается или даже аннулируется озабоченность положением чужаков, не смущает Хайдта, поскольку забота о них изначально бывает весьма поверхностной. Преодоление эгоизма на партикулярной основе Хайдт считает полноценно моральным явлением, а в свете реалистических соображений — даже пределом морального совершенства человека. Если, конечно, речь не идет о каких-то выдающихся личностях. «Было бы прекрасно верить, — пишет американский психолог, — в то, что мы, люди, созданы любить каждого и безусловно. Прекрасно, но с эволюционной точки зрения, скорее всего, невероятно. Ограниченная любовь — любовь внутри групп, — усиленная сходством, чувством общей судьбы, а также подавление безбилетников — может быть, самое лучшее, чего мы можем достигнуть» [ibid.: 284].

Далее следует моральное основание, помеченное такими языковыми маркерами, как *авторитетная власть / подрыв авторитетной власти*. Хайдт подчеркивает, что уважение к власти, к лицам, которые занимают более высокие позиции в социальной иерархии, не тождественно страху грубой силы, которую такие лица могут применять по отношению к нижестоящим. Иначе это было бы не моральное явление. В подобном уважении отражаются эволюционная необходимость иерархий для существования человека и интуитивное понимание членами группы зависимости регулярного исполнения социальных норм от существования вертикальных общественных структур. Существование норм, фиксирующих недопустимость подрыва авторитета власти, связано с тем, что любое общество нуждается в использующих средства принуждения институтах, которые упорядочивают отношения между людьми и занимаются урегулированием конфликтов. Берущая на себя ответственность за сохранение сообщества власть, несмотря на совершенно неизбежные эксцессы, связанные с эксплуатацией и даже угнетением тех, кто находится на нижних ступенях иерархии, играет решающую роль в поддержании того, что Хайдт называет «моральным порядком».

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда

Отдельные индивиды, являющиеся рядовыми членами сообщества, постоянно обращаются к вышестоящим за защитой и протекцией и получают их. В процессе таких обращений, как и в обыденном течении своей жизни, рядовые члены сообщества демонстрируют почтение к вышестоящим и готовность поддерживать их в том, что касается исполнения властных функций и удержания высокого социального статуса. В эволюционной истории человека первичные негативные триггеры этого основания — акты неподчинения, а также любое поведение, не соответствующее рангу и статусу члена сообщества, позитивные триггеры — отдельные акты и поведение противоположного рода [ibid.: 165–170]. Хайдт не упускает из виду острое противоречие между оценками, оперирующими понятием свободы, и оценками, ориентированными на уважение к власти. «Основание свободы, — пишет он, — очевидным образом создает напряжение с основанием авторитетной власти. Мы все признаем какую-то власть легитимной в определенных контекстах, однако мы опасаемся тех, кто претендует быть лидером, не заслужив нашего доверия. Мы пристально следим за признаками того, что такие люди пересекают границу, за которой находятся самовозвеличение и тирания» [ibid.: 201]. Однако данное противоречие, по Хайдту, не является достаточно острым, чтобы создать непреодолимое препятствие для включения авторитетной власти в число морально значимых явлений.

Самое проблематичное с точки зрения «странной» моральной системы хайдтовское основание — это основание святости, или чистоты. Его эволюционные корни связаны с чувством отвращения, а первичными негативными триггерами выступают различные объекты, грозящие приматам или первобытным людям отравлением, заражением, поражением паразитами (испорченные продукты питания, фекалии, зараженные инфекционными болезнями особи собственного вида, особи собственного вида — носители паразитов). Однако уже в ранних человеческих сообществах то же эмоциональное отношение распространяется на совершение различных табуированных действий. В относительно ранних, но уже довольно целостных системах моральных ценностей использование критерия святости, или чистоты, связано с представлением о многоярусном строении мира, в котором человек занимает определенное (привилегированное) место, и о том, что это место может быть потеряно вследствие совершения тех или иных поступков (человек может унижить самого себя, низвести себя до животного или даже пасть ниже его). Потеря духовной чистоты может быть связана с определенными манипуляциями с собственным телом, соприкосновением с какими-то субстанциями, животными и людьми, которые считаются нечистыми, и т.д. Важным свойством оценок, связанных с этим основанием, является наделение позитивной или негативной духовной ценностью не только личностей, но и различного

рода объектов, в первую очередь человеческого тела [ibid.: 170–177]. Если не рассматривать это основание как самостоятельный критерий моральной оценки, то, по мнению Хайдта, нам никогда не понять, почему «даже представители западной культуры, а среди них — даже придерживающиеся секулярных убеждений, продолжают рассматривать выбор, касающийся еды и сексуальных отношений, как нагруженный моральным значением» [ibid.: 27].

Оценка позиции Хайдта

Хайдтовская концепция морали, включающая в себя в качестве центральных элементов определение этого феномена и описание области морально значимых явлений, довольно уязвима. Причем в разных отношениях. Если взять за точку отсчета то, как она представлена в книге, то у критически настроенного читателя сразу же возникает вопрос о том, насколько методологически оправданно и даже логически возможно движение от выявления области морально значимых явлений к определению морали. «Естественная» логика решения проблемы демаркации предполагает, что нам уже известны критерии моральной значимости. Но именно эти критерии и задают определение морали или по крайней мере в каком-то обобщенном, лаконичном, свернутом виде входят в него. Можно сказать, что определение морали оказывается инструментом выявления области морально значимых явлений. В книге Хайдта это отношение развернуто на 180°.

Тот вариант репрезентации своих взглядов, который Хайдт и Кесебир использовали в главе из компендиума по социальной психологии (в ней, как уже говорилось, определение морали предшествует обсуждению разных сторон «великого сужения»), можно считать более соответствующим естественной логике. Однако естественная логика решения проблемы демаркации в случае с моралью также сталкивается со значительными трудностями. Ведь у нас нет какого-либо априорного или консенсуального определения морали, которое могло бы выступить в качестве инструмента выявления области морально значимых явлений, за исключением, пожалуй, того, что все мы не оспариваем утверждение, что мораль — это особая сфера ценностей и оценок и предметом таких оценок являются действия людей, а также мотивы и свойства характера, предопределяющие их действия. Отсюда следует, что в поисках определения морали нам приходится обращаться к анализу эмпирии — к тому, как люди оценивают свойства характера, мотивы и действия. Однако обобщение, касающееся специфики морали, возможно, только когда мы остановились на определенной группе оценок и, соответственно, оцениваемых явлений и стали использовать именно их в качестве ограниченного обобщаемого материала.

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда

У такого ограничения должны быть критерии. Но это означает, что у нас уже должно быть хотя бы предварительное определение морали и мы должны выбрать именно его по каким-либо веским причинам.

Чтобы избежать логического круга, можно было бы ориентироваться на слово «моральный», употребляемое в живом, нетеоретическом языке. Однако данное слово не несет в себе единый смысл, его значение исторически менялось. И более того, подобный подход годился бы только в случае, если бы мы работали с материалом тех культур, в которых используется или само слово «моральный», или его аналоги (такие, как слово «нравственный» в русском языке). Данное обстоятельство ограничивает выводы исследования в отношении их универсальности и, если вернуться к Хайдту, уничтожает в зародыше его замысел показать усеченный характер понимания морали западной «странной» культурой. Ведь для демонстрации такой усеченности американский психолог прибегает к иллюстрациям из оценочной практики тех культур, для которых слово «мораль» является трудно переводимым заимствованием из западного лексикона. В итоге можно сказать, что решение задач определения морали и выявления области морально значимых явлений возможно только параллельно, через челночное движение: выдвижение и уточнение определений морали на основе исследования психологической эмпирии. Такого челночного движения у Хайдта мы не видим. И это снижает ценность его теоретических выводов.

Вторая, бросающаяся в глаза проблема концепции Хайдта состоит в том, что данное им определение морали в действительности не служит ему основанием для выявления области морально значимых явлений. Ведь характер психологических экспериментов, результаты которых, по мнению ученого, позволяют узнать о том, что круг «моральных рецептов» выходит за пределы вреда и честности, показывает, что сам он и другие экспериментаторы принимают за точку отсчета не функциональные свойства морали, корректно или некорректно зафиксированные в хайдтовском определении, а какие-то иные. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать вопросы, позволяющие Хайдту сделать вывод, что не причиняющие вред другому человеку нарушения различных табу являются морализованными у большинства респондентов (в особенности за пределами западной «странной» культуры). Ключевой вопрос экспериментаторов — вопрос о том, является ли нарушение табу «дурным» поступком или же поступком, не имеющим такого статуса («будет ли совершать поступок X — Ok?») [Haidt, 1993: 617]. Под «дурным» здесь явно имеется в виду «дурной сам по себе», вне зависимости от позиции судящих. Соответственно, Хайдт имеет в виду такую характеристику моральных оценок (ценностей, принципов), как их претензия на объективность. Так как вопрос дифференцирован (респондент может

ответить, что нарушение «очень дурное» или «немного дурное»), то он проверяет получаемые ответы-оценки респондентов на предмет более или менее высокого положения требований, с которыми связано нарушение, в ценностно-нормативной иерархии [ibid.]. Значит здесь подспудно имеется в виду такая характеристика моральных оценок (ценностей, принципов), как их претензия на приоритетность. Наконец отдельный вопрос заставляет респондента задуматься об альтернативности ценностно-нормативных систем, создаваемых разными сообществами: «Представьте, что вы узнали о двух разных странах, в стране А люди совершают это действие очень часто, в стране В — никогда не совершают. С этими двумя обычаями все Ок, или какой-то из них является плохим или дурным?» [ibid.]. Таким образом, мы видим, что Хайдт выявляет моральную значимость или моральную нейтральность какого-то действия на основе универсальной приемлемости/неприемлемости последнего.

Если попытаться сформулировать имплицитное определение морали, стоящее за экспериментальным подтверждением предложенного Хайдтом расширения области морально значимых явлений, то оно будет не функциональным, а скорее формальным и в него войдут стандартные формальные характеристики моральных оценок (ценностей, принципов): объективность, универсальность, приоритетность (или хотя бы чрезвычайно высокая относительная значимость, важность). То определение, которое Хайдт формулирует в обеих своих работах в ходе обоснования тезиса «мораль — это не только вред и честность», при этом никак не задействовано. Границы области морально значимых явлений проводятся им совсем не на основе цели, ради которой существуют моральные критерии оценки (как было указано, эта цель — выживание и усиление сообществ), а на основе таких характеристик, которые могут принадлежать как общественно полезным, так и разрушительным для общества или ослабляющим его требованиям и ориентирам поведения. С другой стороны, следует помнить и о том, что выживанию и усилению сообщества могут способствовать не только критерии оценки, характеризующиеся триадой *объективность/универсальность/приоритетность*. А это означает: если отграничить область морально значимых явлений на основе функциональных характеристик морали, подразумеваемых Хайдтом, то эта область, скорее всего, не совпадет с той, которую он очертил.

Не исключено (хотя это лишь гипотеза), что хайдтовское функциональное определение морали — даже не совсем определение, а первый шаг в создании концепции, объясняющей, откуда берется мораль, что служит причиной ее существования. После того как исследователь очерчивает круг морально значимых явлений, он начинает искать причинно-следственные истоки критериев оценки, формирующих этот круг, и в итоге приходит к выводу, что триада *объективность/*

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда

универсальность/приоритетность характеризует именно те оценки (ценности, принципы), которые играют решающую роль в поддержании упорядоченности, сплоченности и конкурентной силы сообществ. У подобной социально-организационной концепции морали есть своя богатая история в западноевропейской этической мысли и социальной науке — от Б. Мандевиля до Э. Дюркгейма и далее вплоть до наших дней [см. подробнее: Прокофьев, 2014]. И, как известно, эта концепция сталкивается с рядом существенных трудностей. Прежде всего с тем, что значительная часть ценностных ориентиров и требований морали, оформившихся в истории человечества, избыточна для достижения такой цели, как выживание и усиление отдельного сообщества. Теоретикам приходится объяснять причины такого расхождения. Очевидно, что Хайдт втягивается в эту игру. Но нельзя сказать, что его объяснения очень убедительны.

Наконец, явной уязвимостью оказывается то, что хайдтовское функциональное определение морали ведет к характерному раздвоению позиции исследователя морали. С одной стороны, Хайдт предостерегает от создания содержательных и нормативных определений морали, а с другой — в тексте его книги присутствуют явные следы использования именно таких определений. Это очень хорошо видно на примере использования концепта «моральный капитал». Напомню, что для Хайдта повышение морального капитала сообщества может вести к пренебрежению принципом равных возможностей каждого человека и даже «фашистская нация» может обладать значительным моральным капиталом. Другими словами, американский психолог утверждает, что отталкивающаяся от правильного (функционального) определения морали высокая моральная оценка каких-то явлений, будучи сконцентрирована в тезисе «сообщество обладает высоким моральным капиталом», может быть скорректирована на какой-то основе, которая этим определением не перекрывается.

Моральный капитал определяется способностью общества контролировать «безбилетников», но способность последнего предоставлять своим членам равные возможности такой капитал не увеличивает. Общество, которое обладало бы обеими способностями, было бы лучше (лучше именно в моральном смысле слова), но его моральный капитал от этого не увеличился бы. У «фашистской нации» может быть высокий моральный капитал, и он не снижается тем фактом, что она «фашистская» (то есть агрессивная снаружи и репрессивная внутри). Однако сам термин «фашистская» Хайдт использует в порядке глубокого осуждения (осуждения именно морального). То есть понятие морального капитала основано на функциональном определении морали, а положительная оценка способности общества предоставлять своим членам равные возможности и отрицательная оценка фашизма — на каком-то другом, уже третьем

по счету, имплицитно используемом Хайдтом, но не предъявленным читателю. Определение, которое Хайдт привел в книге и главе из компендиума по социальной психологии, и определение, использовавшееся им в ходе расширения круга морально значимых явлений, были дескриптивными (одно — функциональным, другое — формальным). Третье же не только содержательно, но и нормативно.

Не буду здесь пытаться третье определение эксплицировать (это была бы задача дополнительного исследования, требующего сравнения концепции морали Дж. Хайдта с концепциями других психологов, прежде всего Л. Колберга [Kohlberg, 1984: 277–317] и Э. Туриела [Turiel, 1983: 33–49]), но и без такой экспликации ясно, что у него есть важные преимущества. Оно позволяет исследователю, во-первых, сохранить концептуальное единство собственного дискурса, а во-вторых, обсуждать не только область морально значимых явлений как таковую, но также области: первичной моральной значимости одних феноменов; вторичной, но вполне правомерной морализации других феноменов; сомнительной неправомерной морализации третьих. Эти два обстоятельства делают именно содержательные и нормативные определения морали наиболее перспективной точкой отсчета для психологических исследований морального сознания и моральной практики, а также заставляют дополнительно задуматься над местом разных хайдтовских оснований в общей системе моральных ценностей и норм.

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда

Definition of Morality and Boundaries of the Moral Domain in the Psychological Theory of Jonathan Haidt

Andrey V. Prokofyev

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of Ethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Abstract. The ways of solving two central problems of studying morality (the problem of defining morality and the problem of distinguishing the moral domain, or the sphere of morally significant phenomena) by american psychologist Jonathan Haidt are reconstructed and evaluated. The scientist warns against the use of normative and substantive definitions of morality in psychology, because their authors cannot overcome the bias towards value systems that have developed within the framework of Western culture over the past several centuries. J. Haidt considers the best definition of morality to be a functional one, treating morality as a set of “values, virtues, norms, practices, identities, technologies... psychological mechanisms” that serve to maintain co-operative communities. This definition of morality is accompanied by the

expansion of the moral domain beyond the boundaries drawn by psychologists of the second half of the 20th century and contemporary moral philosophers. The moral domain, for Haidt, includes not only those actions that are evaluated on the basis of the concepts of *care/harm*, *fairness/cheating*, *freedom/oppression*. He adds to the list of moral foundations such evaluative criteria as *loyalty/betrayal*, *authority/subversion*, *sanctity/degradation*. The author of this paper points out several reasons why Haidt's concept of morality comes into question. Firstly, within the framework of Haidt's methodology, the search for a definition of morality and the demarcation of the moral domain are not in a relationship of mutual correction. Secondly, the american psychologist distinguish the moral domain not on the basis of his own functional definition of morality, but on the basis of a standard set of its formal characteristics (objectivity, universality, overridingness). Thirdly, in his works, Haidt often operates with an implicit normative definition of morality, which shows the inevitability of its using.

Keywords: morality, moral psychology, definition of morality, descriptive definition, normative definition, functional definition, substantive definition, moral domain, moral foundations theory, Jonathan Haidt.

For citation: Prokofyev A.V. Definition of Morality and Boundaries of the Moral Domain in the Psychological Theory of Jonathan Haidt // *Chelovek*. 2025. Vol. 36, N 1. P. 49–67. DOI: 10.31857/S0236200725010046

Литература/References

Мораль: Разнообразие понятий и смыслов: Сборник научных трудов. К 75-летию А.А. Гусейнова / отв. ред.-сост. О.П. Зубец. М.: Альфа-М, 2014.

Moral': Raznoobrazie ponyatii i smyslov: Sbornik nauchnykh trudov. K 75-letiyu A.A. Guseynova [Morality: Diversity of Concepts and Meanings. A Festschrift for the 75-th Birthday of Abdusalam Guseynov], ed. by O.P. Zubets. Moscow: Alfa-M Publ., 2014.

Прокофьев А.В. Социальная регуляция и мораль (к вопросу об источниках нравственной нормативности) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2014. № 2. С. 24–34.

Prokofyev A.V. Sotsial'naya regul'yatsiya i moral' (k voprosu ob istochnikakh нравstvennoy normativnosti) [Social Regulation and Morality (On the Issue of Sources of Moral Normativity)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*. 2014. N 2. P. 24–34.

Gert B., Gert J. The Definition of Morality. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta. Fall 2020 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/morality-definition/> (date of access: 05.12.2024).

Haidt J. Morality. *Perspectives on Psychological Science*. 2008. Vol. 3, N 1. P. 65–72. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2008.00063.x

Haidt J. The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment. *Psychological Review*. 2001. Vol. 108, N 4. P. 814–834. DOI: 10.1037//0033-295X. 108.4.814

Haidt J. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Vintage Books, a Division of Random House, 2013.

- Haidt J., Kesebir S. Morality. *Handbook of Social Psychology: in 2 vol.*, ed. by S.T. Fiske, D.T. Gilbert, G. Lindzey. Vol. 2. Hoboken, NJ: John Willey and Sons, 2010. P. 797–832.
- Haidt J., Roller S.H., Dias M.G. Affect, Culture, and Morality, or Is It Wrong to Eat Your Dog? *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 65, N 4. P. 613–628. DOI:10.1037/0022-3514.65.4.613
- Kohlberg L. *Essays on Moral Development: The Psychology of Moral Development: in 2 vol.* Vol. 2. New York: Harper & Row, 1984.
- The Definition of Morality*, ed. by G. Wallace, A.M.D. Walker. London, Southampton: Camelot Press, 1970.
- Turiel E. *The Development of Social Knowledge: Morality and Convention*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

А.В. Прокофьев
Определение
морали и гра-
ницы области
морально зна-
чимых явлений
в психологи-
ческой теории
Джонатана
Хайда